

От редакции: В очередном номере нашего журнала мы открываем новую рубрику. Все по О. Конту, учившему почти двести лет назад: «Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы управлять». Многим еще памятливы ставшие нарицательными слова-предупреждение Ю. В. Андропова, когда он заявил, что мы плохо знаем общество, в котором живем. Мы по-прежнему склонны учиться только на собственных ошибках и стремимся не замечать ошибок и опыта других, закрывать глаза на очевидные просчеты, когда всего только шаг до настоящей беды... Свежий пример перед глазами. Читаем украинских социологов, выступавших у нас в Беларуси на конференции 21–22 ноября 2013 г. Негативный диагноз однозначный: «по индексу доверия к органам власти Украина на последнем месте среди 26 стран Европы», «смотрят в будущее со страхом 22 %», «ощущают безысходность 18 %», «не исключен сценарий массового продуцирования бунтарской стратегии»*. Разве для грамотного человека это не предсказание. До Майдана еще больше 2 месяцев, и достаточно 2–3 решительных шагов, чтобы его предотвратить, но читать же некогда, да и неохота.

Социологи постоянно изучают современное общество и призваны делать свою работу профессионально и честно, чтобы предвидеть и лучше упредить, чем затем героически бороться с последствиями... кому положено вовремя принимать правильные управленческие решения.

ЗНАТЬ ОБЩЕСТВО, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

(интервью доктора социологических наук,
профессора С. А. Шавеля
журналисту С. В. Михайловской)

– По утверждению некоторых специалистов, социология – очень «непрактичная» наука. Особенно это касается ее теоретических изысканий, классических постулатов, которые подобны «игре в бисер», представляют интерес для самих игроков, но не имеют смысла вне академической среды? Существуют ли аргументы, чтобы опровергнуть это утверждение?

– Да, такого рода суждения, независимо от конкретных вербальных формулировок, все еще встречаются не только на быденном уровне, но и в некоторых кругах научного сообщества. Замечу, что сегодня полемика на подобную тему для профессиональных социологов уже и неинтересна, и неактуальна. Конечно, если вернуться в XIX в., то в нападках на социологию можно обнаружить не только злобу, зависть конкурентов, язвительность, но также – что важно – и достойные внимания упреки, критику завышенных притязаний, методические замечания. Трудно поверить, что больше всего О. Конта ругали за то, что он, создав неологизм – слово «социология»,

* См.: Социальное знание и современные проблемы развития белорусского общества. Минск, 2013. С. 32, 35.

нарушил некие лингвистические нормы, запрещавшие соединение разноязычных слов: в данном случае латинского *socio(al)* – общество и греческого *logos* – учение, получив гибрид, обозначающий во всех языках науку об обществе.

Что касается названных Вами утверждений, то в их опровержение можно сказать следующее. Во-первых, никогда не существовало и существовать не может какой-либо науки для удовлетворения собственного любопытства или для забавы типа «игры в бисер». Даже если обратиться к паранаучным ветвям науки, таким как алхимия, астрология, теософия, схоластика, поздняя софистика, так называемая «мерфология» и другие, везде найдутся возвышенные цели и нередко полезные для многих людей результаты. Жрецы Египта и Вавилона, мудрецы и изобретатели Китая, ученые и философы Древней Греции и иные мыслители не ради игры или славы вели свои изыскания. Сократа казнили по приговору суда (330 – «за», 325 – «против» из числа голосовавших) за осквернение наших богов и совращение нашей молодежи. А он только возвеличивал разум, учил очищать понятия, правильно мыслить и использовать это для решения общих дел. Эту практическую философию особенно ненавидел иммортист Ф. Ницше. Он называл Сократа буффоном, мономаном, клоуном, а его уравнивание «разум – добродетель – счастье» – колдовством для античной философии. Сократ, по словам Ницше, представляет в истории ценностей момент *глубочайшей извращенности*¹.

Во-вторых, соотношение теории и практики в социологии величина изменяющаяся. Достаточно сказать, что полноценное методическое обоснование всего, что необходимо для грамотного проведения эмпирических исследований: репрезентативная выборка, измерительные шкалы, операционализация понятий, концептуализация проблем, методы исследований и многое другое, – было разработано только в начале XX в. Уже поэтому весь XIX в. можно считать эпохой в основном теоретических исследований. Классики социологии работали именно в этом русле. Правда, многие их сочинения чисто теоретическими назвать нельзя: в них широко использованы данные статистики, анализа документов, периодической печати, собственных наблюдений, экспертных оценок, официальных сведений и пр. К ним можно отнести работы Э. Дюркгейма, такие как «Самоубийство» и «Элементарные формы религиозной жизни»; М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», «Хозяйство и общество»; К. Маркса «Капитал» и ряд других, на основе которых Р. Арон назвал его экономистом, стремящимся стать социологом; работы Г. Тарда «Мнение и толпа»; П. Сорокина «Социальная мобильность», «Социальная и культурная динамика» и др. Все эти произведения составляют часть золотого фонда всей социогуманитаристики и сохраняют свое эвристическое значение и в настоящее время.

Начиная с 1920-х гг. высокими темпами растут эмпирические исследования. Сегодня у социологов всего мира возникает озабоченность таким перекосом и беспокойностью отставанием в области теории. В связи с этим призыв Президента Республики Беларусь повысить роль фундаментальных социологических исследований воспринят положительно социологической общественностью.

В-третьих, классики социологии никогда не упускали из виду практическую сторону своей работы. Например, К. Маркс, отмечая, что в процессе развития «верхние этажи» (т. е. теория) научного здания выстраиваются часто гораздо раньше, чем «нижние» (прикладные, эмпирические), самостоятельно разработал «Анкету рабочего», вполне валидную даже по нынешним запросам. Родоначальник социологии О. Конт писал о позитивной стадии: «Она сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающего с этого момента все более и более широкие размеры и являющегося единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям»².

Столь же определенно представлял свою позицию и Э. Дюркгейм. Характеризуя теоретические аспекты, он замечает: «Это не значит, впрочем, что социология не должна интересоваться практическими вопросами. Наоборот, можно было заметить, что мы постоянно стремимся ориентировать ее таким образом, чтобы она могла делать практические выводы... Только она может научить относиться с уважением, но без фетишизма к исторически сложившимся институтам, каковы бы они ни были, указывая нам, что в них необходимого и временного, какова их прочность и бесконечная изменчивость»³.

Можно привести также слова известного современного американского социолога Нейла Смелзера из авторского предисловия к учебнику «Социология», переведенному на русский язык. Он пишет: «Каким бы ни был конечный результат борьбы за рынок в России, «капиталистическая» Россия не будет повторять путь развития «капиталистического» Запада – из-за особенностей своего политического и экономического наследия в XX в. Короче говоря, экономическая эволюция России в следующие десятилетия заставит нас пересмотреть и подвергнуть переоценке наши нынешние

теории развития»⁴. Не кажется ли Вам, что эти слова хорошо было бы понять тем эпигонам из ортодоксальной оппозиции, которые, кроме установки на слепое копирование чужого опыта, не хотят ничего видеть ни в истории, ни в сегодняшней жизни. Неслучайно А. Г. Лукашенко в своем интервью телекомпании НТВ, говоря о правительстве А. Яценюка, подчеркнул: «Они неправильно делают, что пошли на поводу у МВФ и Запада и начали все свои позиции сдавать. У нас есть республики, которые таким образом действовали, а сейчас не знают, что делать».

– Насколько популярны в наше время философия и социология? Часто можно услышать высказывания о том, что философия уже миновала пик своей популярности во времена Пифагора и Сократа, а социология как была буржуазной наукой, так и осталась и потому более востребована на Западе, впрочем, как и психология. А вот у нас, с нашим менталитетом, приживается с трудом. Так ли это?

– Конечно, это не так. Но вначале заметим, что говорить о популярности, т. е. известности, научных дисциплин нужно с большой осторожностью, поскольку возникают вопросы, в чьих глазах популярность, как она измерялась, по каким критериям и пр. В современной науке есть темы, в которых разбирается едва ли сотня ученых в мире, а формулу Эйнштейна знают миллионы: $E = mc^2$. Спор о физиках и лириках завершился в свое время вничью – в том смысле, что никто никого не переубедил. Как отдельные сообщества ни физики, ни лирики не жизнеспособны.

Жизнь по закону разделения труда рождает то, что нужно сегодня, архивируя и сохраняя то, что известно, освоено. В этом смысле философия и социология, безусловно, нужны обществу, – и каждая по своему предназначению и востребованности. Философия представляет собой интеллектуальный фундамент культуры. Ее основным вопросом является не соотношение материи и сознания, а сформулированные И. Кантом три вопроса, адресованные человеку: «1) Что я могу знать? 2) Что я должен делать? 3) На что я могу надеяться?»⁵ Когда философию называют носительницей мудрости, то имеют в виду особую форму знания, кристаллизацию опыта, способную служить путеводной нитью в жизни человека и конкретного социума. Однажды Г. Ф. Гегеля задели обвинения философов в любви к абстракциям, и он написал статью «Кто мыслит абстрактно?». В ней на многих житейских примерах показано, что абстрактно мыслит «необразованный человек, а вовсе не просвещенный»⁶, ибо у него не хватает возможности понять суть дела, дойти до полноты и правильного употребления понятий. Эмиль Дюркгейм, философ по образованию, много сил потративший, чтобы освободить от нее социологию, писал: «Отойдя от философии, я стремлюсь к ней вернуться, я все время возвращаюсь к ней самой природой вопросов, с которыми сталкиваюсь на своем пути»⁷. Отечественная философия претерпела серьезные деформации в период изгнания марксизма вместо спокойного очищения с сохранением рациональных зерен. Особенно пострадало философское образование, даже те разделы, в которых марксизм не играл принципиальную роль, – логика, история философии, эстетика, антропология и др. Недавно в профессиональном сообществе я привел слова К. Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»⁸. Спитч понравился, но выяснилось, что имя автора многим неизвестно. А знать надо и физикам, и лирикам: слишком глубокий смысл заключен в этих словах, и никакого классового подхода.

Социология пока, действительно, более востребована на Западе, но не потому, что она буржуазна, а потому, что они научились извлекать из нее пользу. Вообще, науки не делятся по национальным, классовым или страновым принципам. Это только Гитлер вопил, что ему не нужна «еврейская физика», – конец известен. Когда указывается страна, то имеется в виду место расположения ученых и научных учреждений, а не содержание науки, за исключением исследований в области краеведения, фольклора и других традиционных особенностей.

Белорусский менталитет как раз открыт для всего нового, тормозящий консерватизм связан с опасением на местах, что социологи «накопают», доложат и т. п. Но это проходит: появляются запросы от тех структур, кому нужна точная информация, – министерств, банков, бизнесменов, СМИ и др.

– Переход к рыночной экономике, безусловно, не мог не сказаться на обществе. Намерены ли современные социологи потеснить экономистов, раз уж они используют в маркетинге социологические методы?

– Не думаю, чтобы кто-то из социологов ставил задачу потеснить экономистов. Другое дело, что, как заметил еще в 1990-е гг. аналитик С. Шаталин, советская политекономия многое теряет и отстает из-за того, что не умеет использовать социоло-

логические исследования. Если взять маркетинг, то это достаточно автономное направление, хотя у нас многие из них привязываются вслед за Котляром и другими к экономике, забывая, что основа маркетинга – это социология в единстве с психологией мотивации.

Обращаясь к социологическим данным прошлых лет, отметим, что в 1990 г. переход к рынку поддержали 62,6 %, высказались против 17,2 % и затруднились ответить 19,2 % опрошенных. В 1992 г. эти цифры составили 54,6, 17,0 и 27,4 % соответственно. Как видно, число противников рынка не изменилось, но число сторонников снизилось на 8,0 %, которые перешли в ряды сомневающихся⁹. Вспомним, что в то время проводилась активная агитация за рынок со стороны либералов во главе с А. Чубайсом в России и оппозицией БНФ в Беларуси, идеализировавших его достоинства и замалчивавших недостатки. Тот же опрос высветил ряд ментальных противоречий белорусских респондентов в отношении к рынку. Так, 77,8 % признали, что для занятия предпринимательством им понадобится специальная подготовка; 50,5 % готовы жить «пусть беднее, но с гарантированным уровнем, без риска»; 55 % согласны «работать на частном предприятии, если будет больше получать»; 39,4 % хотели бы стать предпринимателями; 34,4 % высказались за существенную поддержку сельхозпредприятиям и 57,3 % – за наведение порядка и дисциплины во всех сферах общественной жизни.

Беларусь, как известно, выбрала свой, особый, курс. С одной стороны, мы отказались от «шоковой терапии», обвальная приватизация и разгосударствления, немедленной ликвидации субсидирования ЖКХ, введения повсеместного платного образования, медицины и других социальных услуг, повышения пенсионного возраста на 5–10 лет и многого другого, рекомендуемого зарубежными экспертами по рыночным реформам. С другой стороны, создали вертикаль власти, навели элементарный порядок и дисциплину, организовали службу занятости, провели бесплатную приватизацию жилья, поддержали развитие предпринимательства, реанимировали многие госпредприятия, создали новую систему социальной защиты, в разы увеличили зарплату, ввели своевременную ее выплату, как и пенсий, стипендий и других выплат, придали высокие импульсы развитию села и сельхозпроизводству, построили 1500 агрогородков, строим первую Белорусскую АЭС, множество непроизводственных объектов, городского жилья – все не перечислишь.

Современная экономика Беларуси является одновременно: а) социальной, ибо защищает интересы людей; б) рыночной, поскольку товары и услуги обмениваются в основном по свободным ценам; в) смешанной, так как доля государственного сектора несколько больше, чем, например, в Германии, где она составляет 30 %.

С позиции социологии все это соответствует ожиданиям населения. Сегодня большинство опрошиваемых хорошо понимают, от какой бездны отошла страна: «шоковая терапия» с массовой безработицей и прочими «прелестями» быстрого перехода к рынку стали бы для народа чрезвычайным испытанием. Хотя опыт показывает, что за заборами и воротами некоторых предприятий все еще нет порядка. Возникает вопрос: а будь, к примеру, Слуцкий льнокомбинат в собственности самого директора, неужели она не нашла бы возможности укрыть скирды тресты и не допустить их гибели? По опыту знаю, что простые работники завода видят подобную бесхозяйственность, и, если пустить на завод социологов, люди многое скажут, а так молчат – кому-то лень, кто-то не знает, куда обращаться.

– Отдел, который Вы возглавляете в академическом научном центре, связан с социальными инновациями. Расскажите, пожалуйста, об этом направлении более подробно. Можно ли утверждать, что данное направление выкристаллизовалось в нашей стране одновременно с растущей популярностью термина «инновации»? Можете ли Вы здесь провести параллель с Вашими инновационными решениями, которые привнесли какие-то кардинальные изменения в Вашу жизнь, в жизнь общества?

– Название отдела предложил я сам, и оно, действительно, прямо связано с инновационным курсом развития страны. Мы изучаем социальные инновации, понимая их как процесс управляемого обновления (совершенствования) соответствующих институтов и их подразделений путем преобразования и рационализации повседневных практик и схем отношений между людьми. В настоящее время мы выполняем тему «Инновационное развитие отраслей социальной сферы». Социальная сфера – не застывшая структура, она динамична, в ней постоянно происходят изменения, может быть, менее заметные, чем в экономике или политике, но очень важные в плане улучшения жизни, комфорта и т. д. Конечно, в хорошо организованном обществе не стоит ожидать каких-то радикальных новшеств и преобразований в социальной сфере (а-ля «шоковая терапия» и т. п.), но и небольшие изменения, скажем, в оплате

поезда, регистрации в поликлинике и др., не говоря о новых программах в учреждениях высшего образования, новых формах диагностики и т. д., оказывают свое воздействие на людей и фиксируются социологами по уровню удовлетворенности.

Что касается, как Вы говорите, параллели с нашими инновационными решениями, то можно сказать следующее. Социолог является аналитиком, его задача – предоставить достоверную информацию об изученном явлении для тех, кто принимает решение. Так, при изучении пенсионных настроений (репрезентативный опрос 2013 г.) выяснилось, что 20,2 % намерены при достижении пенсионного возраста выйти на пенсию и не работать; 28,0 – оформить пенсию, но продолжать работать; 33,2 – пока не думали об этом; 17,8 – готовы еще работать для получения прибавки к пенсии в размере от 6 до 14 % за каждый год работы. Как видно, предложенный стимул (прибавка к пенсии) недостаточно эффективен, и для его повышения возможны два варианта: а) увеличить прибавку в 1,5–2,0 раза; б) дать прибавку и тем, кто продолжит работать, получая и зарплату, и пенсию, но при условии уменьшения пенсии на 50 %. Такие предложения вполне социологичны.

Следующий пример касается утилизации бытовых отходов. Исследование показало, что сдают в приемные пункты, выбрасывают в специальные контейнеры: а) батарейки – 15,8 % опрошенных; б) градусники, лампы – 14,8; в) стекло – 16,2; г) бумагу – 12,4; д) пластмассу и ПЭТ-бутылки – 24,7. В то же время более 50 % опрошенных выразили готовность сортировать отходы. Для решения этой важной с экологической и экономической позиции проблемы необходима конкретная организация сбора отходов с некоторым символическим поощрением. По этим примерам можно судить об участии социологии в практических мероприятиях.

– И сегодня найдется немало людей, чье отношение к работе социологов более чем скептическое. В чем, на Ваш взгляд, кроется причина. Может быть, в том, что на одни и те же вопросы социологи нередко дают противоречащие друг другу или не совсем точные ответы?

– О причинах скептицизма, часто жесткого неприятия социологии отдельными субъектами можно говорить много. Некоторые причины имеют глубочайшие исторические корни. Великий мыслитель и классик социологии Питирим Сорокин (1889–1968) писал еще в 1912 г.: «В настоящее время социология является опальной наукой только в России. Только у нас ее могут путать с социализмом, видеть в ней источник революций и бунтов... Только в одной России университеты “блещут” отсутствием кафедры социологии»¹⁰. Это констатация того, что царизм не любил социологию. Но вот спустя 6 лет Ленин обрушился на П. Сорокина за данные о падении нравов – о раздолье для любителей «клубнички» после революции. И П. Сорокин в 1922 г. прямо говорит о том, что социология впала в «немилость». «Но эта немилость» мало опасна. Социальная жизнь повелительно стимулирует интерес к социологии, а стало быть, изучение ее будет в том или ином виде идти»¹¹.

Я привожу эти слова П. Сорокина для того, чтобы учитывать силу традиции, которая часто «поверх разума», инстинктивно побуждает к подражательному поведению. Но если говорить о нашей ситуации, то первой причиной является нежелание выносить сор из избы. Везде есть свои недочеты, пробелы и прочее – вот некоторые и боятся, что социологи выявят недостатки, сделают их публичными, чего доброго, напечатают или покажут по телевидению. Хочу, однако, отметить и противоположную тенденцию. Высококвалифицированные менеджеры, подлинными компетенты не боятся недостатков, наоборот, они приглашают социологов, чтобы выявить их и устранить для пользы дела, до прихода тех или иных проверяющих.

Вторая причина – это отсутствие навыка социологического осмысления и оценки своего дела. Везде работают люди, и если руководитель не способен понять всю сложность их отношений, интересов, ожиданий, планов, настроений и т. д., а видит в них только исполнителей (не скажем «винтиков») – он, мягко говоря, не современен, да и не эффективен. С такими руководителями у социологов бывают конфликты. Помню, в советское время я работал заведующим сектором прикладной социологии БГУ. Мы проводили хоздоговорные социологические исследования по всей стране – от завода им. Кирова (директором был В. Ф. Кебич), БелАЗа, Оршанского льнокомбината до ряда предприятий Могилева, Бреста, Гродно, Минска и Молодечно. Провели опрос на одной из фабрик, где производство – детский ассортимент, а в коллективе в основном женщины. В анкетах много критики, жалоб, негативных оценок и т. п. Нас это озадачило, но отчет мы подготовили как положено. Директор отчет прочитал, подчеркнул и нам заявил: «Вы тут понаписали, мои люди так ответить не могли, я знаю. Процентовку не подпишу». Возникло сложное для нас положение. С одной стороны, предъявить анкеты, в которых не только «кружки», но и следы письма мы не можем:

это нарушение анонимности, запрещенное Кодексом чести социолога. С другой – процентовка нужна не только нам. Пока мы размышляли, директор по своим каналам проверил мнения и настроения людей и подписал документ.

Третья причина – остаточная инерционность относительно социально-бытовых условий жизни работников. Сегодня, «социалка» снята с предприятий, и это правильно. Все расходы на обслуживание – от заводской поликлиники до содержания жилищного фонда – должны идти через налоги. Но это не значит, что люди не нуждаются в социальных пакетах, страховых полисах, бонусах, проездных и многих других услугах. Как правило, у них есть немало дельных предложений, замечаний, которые выясняют социологи. Часто этому мешает именно тот технократический подход, который был типичен для предыдущих времен.

Четвертая причина – эхо отчуждения. Несомненно, исторические формы отчуждения, о которых писали Гегель, Маркс, Веблен и др., заметно ослаблены, особенно в сферах производства (отчуждение труда, эксплуатация) и распределения (расслоение по доходам и статусам), но эхо его сохраняется, переходя в субкультуру, межличностные отношения и повседневную практику, накапливаясь и грозя взрывом при ошибках социальной политики. «Чтобы унять недовольство молодежи, – писал американский социолог, психолог Б. Скиннер, – мы должны обеспечить ей чувство *цели* и ослабить ощущение *отчужденности* и *безнадежности*»¹². Ближайшим примером эха отчуждения является современная Украина. Запрет на русский язык, школы, книги, культуру, даже церковь (т. е. отчуждение людей), не только ксенофобский по смыслу, но и инфернальный (адский) по мотивам, логике и последствиям. Очевидно, что общение на любых языках – польском, венгерском, румынском, русском или английском – никак не может ослабить безопасность страны, помешать ее социально-экономическому и культурному развитию. Для чего тогда отчуждение – чтобы угодить предкам, коллаборационистам, изгнанным из Европы в Канаду? Поистине: «Мертвые держат живых». К чести Беларуси, все такие тонкие и чувствительные отношенческие вопросы: языковые, конфессиональные, образовательные и многие другие – решаются оптимально, без какого-либо давления, принуждения и т. д. Так, по поводу языка был проведен референдум, на котором население проголосовало за придание русскому языку равного с белорусским государственного статуса. Тем не менее есть отдельные локальные проблемы, исследование которых социологами затруднено в силу эха отчуждения, причем у самих респондентов (например, стигматизация, девиантность, виктимология (жертвы насилия), гомосексуализм, нонконформизм, оппортунизм, анархизм, другие формы молодежной субкультуры и т. д.).

Сказывается, к сожалению, и существующая общая недооценка гуманитарного образования, о чем честно пишет наш ведущий журнал «Социология»¹³. Как пошутил мой друг-физик: «Почему бы вам не назвать свою науку, как предлагал О. Конт, «социальная физика» – все бы стало на место».

Что касается возможных промахов самой социологической науки, как Вы говорите, разных ответов на один и тот же вопрос, то они не исключены. Я являюсь членом экспертного совета ВАК, и мы находим недочеты в диссертациях, прошедших серьезную проверку и отбор. Чаще всего нарушения обнаруживаются в обосновании выборки, проведении полевых работ и методах анализа. Но, заметьте, речь идет о сугубо индивидуальной работе. В крупных академических, университетских и других проектах расхождение результатов маловероятно. Даже если цифры не совпадают, они все-таки отражают общую тенденцию, аналогичный тренд движения. Те времена, когда опрашивали, кто хотел и кого хотел, слава богу, прошли. Социологическая работа, как отмечал французский социолог Реймон Арон, требует, помимо общих для науки качеств – настойчивости, любознательности, терпения, упорства и других, также высокого искусства анализа.

– В одном из интервью Вы как-то упоминали понятие «заводская социология». Для нашего времени это актуальное направление или же это пережиток из давнего СССР?

– На мой взгляд, заводская социология нужна и оправдана, но при одном условии: менеджмент предприятий должен уметь коммерциализировать социологические идеи и разработки. Сегодня социологию в некоторой степени реализуют через маркетинг и рекламу, но это капля в море возможного.

На Западе это направление традиционно называется индустриальной социологией. Одним из его родоначальников является Генри Форд, который ругался с университетскими социологами, называл их «революционерами», но тем не менее создал специальную службу. Ее составляли бригады из водителя, социолога и психолога, за каждой закреплялась машина. Поскольку Форд запрещал работу жен, то основная задача бригад состояла в изучении семей: бытовых условий, семейного бюджета, поведения

мужа в свободное время, отношений в семье, испытываемых проблем и т. д. Профсоюзы обвиняли его в «шпионаже», в подкупе рабочих, и ему пришлось доказывать свою правоту даже в Конгрессе США. Так, по поводу заработка в 150 долл. в месяц, вдвое больше среднего, он утверждал, что, если рабочий не сможет купить и иметь автомобиль, который собирает, он теряет смысл своего труда¹⁴. После Форда индустриальные социологи создали новый арсенал регулятивов производственного поведения: теорию человеческих отношений (Э. Мэйо), теорию «Икс» и «Игрек» (Д. Макгрегор), свободный режим труда и отказ от конвейера (социологи «Вольво» и немецких компаний), концепцию производственной мотивации (Ф. Херцберг, США) и многое другое.

В нашей стране заводская социология просуществовала недолго, она была подорвана «проверочной кампанией» Ю. В. Андропова и ликвидирована перестройкой, хотя супруга М. С. Горбачева была кандидатом социологических наук и могла бы подсказать разумные варианты. И все-таки заводские социологи внесли свою значительную лепту в совершенствование условий труда, человеческих отношений, проявление низовой инициативы и т. д. Они проводили социометрию, помогая правильному комплектованию первичных коллективов, осуществляли общественную аттестацию руководителей, собирали на системной основе предложения по всем вопросам жизни коллектива, выявляли узкие места в разделении труда и причины конфликтов, вели экспертирование разных регламентов, разрабатывали планы социального развития и многое другое. Особое значение, выходящее за узкопрактические рамки, имело обращение заводских социологов к проблематике удовлетворенности работой и смысла труда. Еще Ф. М. Достоевский сказал: «Нельзя более унижить человека, чем заставив его делать ненужную, бесполезную работу». Проводились эксперименты, когда бульдозеристам предлагалось за хорошую плату один день рыть траншею, а на следующий ее закапывать – и все без объяснений. Через короткое время все отказывались от такой работы. Социолог К. Замфир утверждает: «Бесмысленность, абсурдность труда порождает специфически человеческую болезнь, даже если он материально вознагражден»¹⁵. Эту болезнь знаменитый психотерапевт Виктор Франкл назвал нусогенным неврозом¹⁶. Мы глубоко ошибемся, если решим, что такое возможно лишь в эксперименте. Люди на подобное реагируют болезненно, и, соответственно, социологи поднимали шум, боролись против таких случаев.

Сегодня на вопрос: «Удовлетворены ли Вы своей работой в целом?» 78,0 % ответивших, т. е. тех, кто работает, исключая неработающих пенсионеров, студентов, домохозяек и другие категории граждан, ответили положительно, а 22,0 % – отрицательно. Это неплохие цифры, но восторгаться не стоит, ведь более чем каждый пятый работой не удовлетворен, в том числе и по смысловым основаниям. Думается, что есть рациональные моменты в том, чтобы подумать над восстановлением заводской социологии, тем более что она могла бы взять на себя и идеологическую функцию.

– В 1990-х гг. Вы одним из первых ученых в Беларуси защитили докторскую диссертацию, связанную с темой мотивации труда. Расскажите, пожалуйста, какая ситуация складывается в современных рыночных условиях.

– За прошедшее время в области мотивации труда произошло, без преувеличения, фундаментальные изменения. Прежде всего, резко выросла ценность рабочего места. В свое время, чтобы не допустить безработицы, обязанность трудоустроить всех до единого – отслуживших, отсидевших, выпускающихся из школ и т. п. – висела над страной как дамоклов меч. Тот, кто мог жить, не числясь на какой-нибудь работе (с записью в трудовой), считался тунеядцем и высылался по суду на принудительное трудоустройство (И. Бродский и многие другие). Крупные предприятия имели резерв рабочей силы в 15–20 %, чтобы не допустить прихода нежелательных (по решению исполкома), а главное – на случай массовой сезонной текучести. В силу этого значительная часть работающих относилась к работе с полным пренебрежением: уходили, переходили, «бодались» с шефами, прогуливали, пьянствовали, выносили детали и пр.

Сегодня ничего подобного нет, все ценят свое место работы, даже если оно не совсем устраивает их. Невозможно представить, чтобы человек «под настроение» бросил руководителю на стол заявление и покинул завод, учреждение и пр. Соответственно, резко повысилась дисциплина труда. Вспомним, что Маркс в числе цивилизационных вкладов капитализма называл «всеобщее дисциплинирование работников» наряду с устранением пережитков феодализма, научно-техническим прогрессом, новой организацией труда и др. Нам, с огромной армией надзирателей и контролеров, с множеством санкций, до дисциплины капитализма было не как до Луны, а как до Марса. А все дело в том, что «их», скажем, домовладелец не разбирался бы с каким-нибудь сантехником Афоней (симпатичным парнем) и одной минуты: нарушил – уволен, а значит, безработный. Конечно, мы отстаем, а если взять все срывы договоров, поставок, опоздания, невыполнение решений и т. д., то отста-

ем не на годы, на десятилетия. Потому что уже сделанное в области труда (ценность места, дисциплина) мало затронуло другие сферы, в том числе и образование. Наши студенты, пожалуй, посчитали бы лучшим анекдотом объявление ректората, что Иванов отчислен за опоздание на лекцию или прогул занятий. И все же продвинутой частью общества мотив дисциплины (обязанности, ответственности) воспринят положительно и интернализован, т. е. переведен как заповедь или присяга в внутренний психологический план и поддерживается.

Очень усилился материальный («зарплатный») мотив. С одной стороны, за последние 20 лет с небольшим зарплата выросла в 20–30 раз (в 1992 г. доктора наук в Академии какое-то время получали около 30 долл. в месяц). Одновременно умножились соблазны, расширились потребности, особенно у молодежи. С другой стороны, люди стали точнее и ярче понимать, что если тебе платят больше, то не по блату, а потому, что ценят больше, уважают, доверяют и пр. А это значит, что внутри материальности проклеивается и растет социальный мотив, связанный с чувством достоинства и самоуважения. Но здесь пока есть тонкости. Мы приветствовали то, что общественное мнение изгнало пену типа «красных пиджаков» и т. п. А вот серьезно повлиять на чисто утилитарный мотив «хочу все и сразу» пока не удается, видимо, потому, что некоторых тинейджеров в такой идеологии поддерживают родители.

Заметно вырос мотив subsidiarity. Этот термин многозначен, но здесь мы имеем в виду его основное значение: ответственность человека за свое благосостояние, использование помощи (от родителей или государства) не для проедания, а для самопомощи (пример со знаменитой подаренной дочкой). Это проявляется в нежелании числиться безработными, в активных поисках хорошей работы, в снижении иждивенческих настроений у молодежи, а главное – их обесценивании, когда гордиться этим стыдно. Этот процесс кажется незаметным, латентным, но социологически его можно оценить: по величине трудовой миграции, стремлению жить нуклеарной семьей и другим признакам.

Отметим также произошедшие изменения в том, что касается градуирования работ. Учась в Московском университете (стипендия 35 руб., максимум на неделю просто питания), я все годы подрабатывал сторожем, дворником, бетонщиком, дежурным сантехником, четыре сезона выезжал со строительными отрядами. Поэтому меня удивило, что среди студентов БГУ только один признался, что работал лифтером. Это нынешний проректор доктор политических наук Василий Бушчи. Вообще, у нас, особенно в западных районах, долгое время существовала странная дифференциация работ. Считалось, что, например, для женщины укладка шпал, штамповка деталей – нормальная работа, а убирать дом, нянчить чужого ребенка – это батрачество, как и все виды услуг. Сегодня произошли радикальные изменения. Все работы признаются достойными и оцениваются в основном по прагматическим критериям.

Одна из идей моей диссертации заключалась в единстве мотива и стимула. Я понимал (и понимаю) мотив как внутреннее психологическое побуждение к действию, индуцированное стимулом. Некоторые психологи из опасений быть обвиненными в бихевиоризме с его формулой «S – R» (стимул – реакция) считают такой подход принципиально неверным, утверждая, что мотивы заданы в структуре личности (кем, когда?) до всяких стимулов. Так, российский психолог А. И. Китов пишет: «Если у человека ведущим мотивом является любовь к профессии, то он не может плохо работать, сам процесс труда доставляет ему удовольствие куда больше, чем ожидаемое вознаграждение»¹⁷. Я с этим не согласен, но вместо развернутых аргументов приведу слова Ф. И. Шаляпина: «Бесплатно только птички поют», а уж он-то любил профессию.

Рынок (в форме идеала, по Э. Дюркгейму) тем и хорош, что он расширяет стимуляционное поле. На место чистого оклада или «почасовки» он добавляет бонусы, акции, свободный режим, проездной, фирменные базы отдыха, работу на дому, страхование, клуб, социальный пакет, кредиты, скидки – все невозможно перечислить. Каждый из этих стимулов причастен к формированию того или иного мотива, а все вместе к ведущему мотиву – гордости за свое предприятие, чувству патриотизма к своей стране. Иначе и быть не может: в вакууме засохнут любые, самые возвышенные мотивы – любовь к профессии или любовь вообще. Отсюда следует, что необходимо разрабатывать мотивационно-стимулирующие механизмы с учетом условий и конкретных видов деятельности, образно говоря, свои – для хоккеистов, свои – для футболистов, для всех, в том числе и для ученых. Вот этого хотелось бы дожидаться от социологии, но время идет, и, видимо, не хватает рекламы.

– Международные эксперты очень часто характеризуют современное общество как общество потребления. Вы с этим мнением согласны?

– Тема потребления – одна из самых актуальных для современного мира, причем на обоих ее полюсах – как недопотребления, так и сверхпотребления. Французский

социолог Жан Бодрийяр писал о потреблении: «Этот феномен до такой степени трудно очертить, что иногда хочется спросить себя, существует ли он реально, или он изобретен для нужд социальной критики»¹⁸.

Наш отдел много и, надеюсь, плодотворно занимается данной проблемой: издали коллективную монографию «Потребление и стабильность общества»¹⁹, а также опубликовали ряд статей в журналах. По поводу первой части Вашего вопроса я скажу, что не вполне согласен с экспертами. Во-первых, чисто лингвистически, из-за некорректного употребления термина «общество потребления», поскольку без потребления невозможна человеческая жизнь, а значит, и существование какого-либо общества – от первобытного стада до современных цивилизаций, то этот термин, независимо от интенции авторов, нивелирует существенные различия. По-русски правильное название «потребительское общество», в котором приобретение товаров и услуг стало самоцелью, смыслом жизни, а получаемое от этого процесса все новой консуммации удовольствие стало компульсивной (навязчивой) потребностью. Во-вторых, понимание общества потребления как такого, в котором, как пишет Ж. Бодрийяр, «самопотребление потреблено в форме мифа», к ценностям относятся «как к пустым знакам», веря, что эти «знаки помогают обрести счастье», совсем не операционализируемы, хотя их можно, в принципе, декодировать. В-третьих, происхождение невольные переносы и контаминации (смешения). Так, переводчик и автор послесловия к книге Ж. Бодрийяра Е. А. Самарская отмечает: «Советское общество тоже было обществом потребления. Официально провозглашаемые большие цели для многих людей обратились в пустые знаки»²⁰. Здесь даже комментировать нечего, кроме как заметить, что научные термины нельзя подменять метафорами.

Но поскольку понятие «общество потребления» вошло в обиход, мы вынуждены его принять. Обратим внимание на неизбежный сдвиг ценностей. Известный польский социолог Ян Щепаньски в очерке «Голод» писал: «Голод угрожает жизни – не съем, погибну. Голод – это мука. Он заслоняет все – все ценности и идеалы, все цели... Следовательно, мы живем для того, чтобы есть. Кто не был голоден, не поймет основного в жизни человека»²¹. Несомненно, это честное наблюдение, с которым нельзя спорить, особенно тем, кто не имел подобного опыта. Другое дело, что неправоммерно, даже кощунственно, переносить формулу «жить, чтобы есть» на те ситуации, в которых витальные потребности в целом удовлетворены. Автор возмущается тем, что, мол, придумали взамен «культуру стола». С этим можно согласиться, если иметь в виду гурманство и прочие излишества. Но ведь подлинная культура питания прежде всего самосохранительная; в ней нет места излишествам, перверсиям, показухе, как и гурманству или искусственному истощению. А Маслоу показал, какое влияние оказывает на человека правильное – без потакания прихотям, закармливания и вседозволенности – удовлетворение базовых потребностей (физиологических, в безопасности и т. п.) в детстве. Оно закладывает основы устойчивости к возможным ограничениям материального плана, спокойствия и уверенности в опасных ситуациях.

Э. Фромм выделил рыночный тип характера, которому присуще восприятие всего, в том числе и себя, с позиций рыночной меновой стоимости. «Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать ходким товаром»²². Рыночная ориентация не развивает личность, ее потенциальные задатки, поскольку этот тип интересуется лишь теми свойствами человека, которые можно пустить на продажу.

Я привожу суждения зарубежных авторов, которые уже давно критически оценивают общество потребления. Оно чревато тем, что потребление «золотого миллиарда» усугубляет несправедливость по отношению к остальному миру. Организованное на принципах пирамиды, оно подталкивает кризисы. Последний мировой кризис 2008 г., не преодоленный до сих пор, возник в США с краха ипотеки, созданной исключительно для стимулирования потребления. Суть так называемой «американской мечты» состоит в том, что каждый может стать миллионером, в крайнем случае залезая в петлю кредитов, мог хотя бы временно ощутить такое состояние. Понятно, что «экономика казино», как ее называл Дж. Кейнс, буквально видоизменяет человека, также как и маниакальный азарт за рулеткой. В этом еще одна опасность. Мировые лидеры G7 и G20 даже не пытаются говорить о регулировании потребления в своих странах; эксперты (Ж. Бодрийяр и др.), ненавидя и презирая это общество, не видят сил, способных его изменить. Им остается лишь надеяться, что «грубые нашествия и внезапные разрушения, столь же непредвидимо, но очевидно, как в мае 1968 г., разобьют эту белую мессу»²³. Под мессой автор, видимо, понимает музыкальную часть католической обедни, т. е. восхваления потребления.

Конечно, все подобные пертурбации не обходят Беларусь, не говоря уже о волнах кризиса. Некоторые завидуют потребителю Запада, увлечены престижным потреблением, ездят в Литву, чтобы прикоснуться к его чудесам, по возмож-

ности оппозиционируют в его пользу. Но, пока непоколебим древний народный канон, выраженный в поговорке: богат не тот, у кого много, а тот, кому хватает, – все это для нас не опасно. Сегодня у нас 20 тыс. долларовых миллионеров, чем можно гордиться, но даже когда станет 200 тыс., вряд ли это изменит ментальное восприятие достатка и ускорит движение в сторону потребительского общества.

– Какие проблемы будущего, с Вашей точки зрения, станут актуальными в ближайшее время, в долгосрочной перспективе?

– Прежде хочу отметить актуальность тех тем, которые уже изучаются белорусскими социологами, исследователями разных служб, в том числе региональными, а также аспирантами и докторантами. Страна наша развивается вполне устойчиво и успешно, вопреки некоторым предсказаниям и объективным трудностям. Поэтому ожидать в ближайшем будущем каких-либо опасных радикальных изменений не реально и не конструктивно. Говоря об антиципации (предвосхищении), хотелось бы привлечь внимание к следующему. Социологический анализ, да и обычные жизненные наблюдения опытного человека, показывают, что в ценностном сознании белорусского населения (всех проживающих на территории страны) есть ряд позиций, которые в той или иной степени выделяют нас и дают определенное экзистенциальное преимущество. Пока оно (преимущество) не бросается в глаза, порой его и заметить трудно, но со временем оно будет возрастать. Я имею в виду не трудолюбие, скромность, гостеприимство и другие ментальные черты, которые известны у большинства народов, а именно особые качества. В их числе я выделяю следующие.

1. Традиционную склонность к умеренному потреблению, в основе которой лежит канонический принцип достаточности, без излишеств. Много ли найдется у нас, даже среди миллионеров, тех, которые, как мноманы, жили бы «пламенной страстью» о вилле на Канарах, яхте, футбольном клубе, предметах неповторимой роскоши и т. п.? Есть, конечно, но мало.

2. Спокойное отношение к тому, чтобы учить чему-либо другие страны и народы, тем более если они не просят. Американский социолог К. Рапай пишет: «Мы верим в силу мечты, и мы никогда не перестаем проповедовать свою философию другим странам»²⁴. У нас многие согласятся с первой частью, особенно если мечта не сводится к примитивной материальности, вещественности, а вот о второй части скажут: «Зачем проповедовать, пусть каждый живет своим умом». И это принципы.

3. Сугубо имманентный характер белорусского патриотизма, национальной гордости и др., они никогда в истории не направлялись против других народов, кроме очевидных защитных действий в ответ на агрессию.

4. Высокое терпение, не толерантность как допущение, дозвол другого мнения, верования и пр., а именно терпение как готовность ждать результата, не суетиться ради ускорения, стойко переносить невзгоды и т. д.

5. Наличие элементов метафизики (сверхрационального – веры, души, совести, интуиции и т. д.), невидимых, но близких человеку и имеющих наблюдаемые следствия. Когда М. Вебер писал о «расколдовании мира», о том, что «рационализм есть судьба Запада», он не предполагал, что спустя более 100 лет такие элементы сохраняются, хотя бы в одной из стран Европы.

6. Высокий уровень доверия в деловой и других областях человеческих отношений. По данным ЕОЦ (европейского опроса ценностей), уровень доверия в Беларуси составил 41,9 %, в европейских странах – 30,5, Украине – 27,2, Литве – 24,9, России – 23,7, Польше – 18,9²⁵. С тех пор, по нашим данным, повышение произошло только в Беларуси и России, в других странах индекс доверия предположительно снизился или остался на прежнем уровне.

Исходя из приведенных положений, у нас есть основания смотреть в будущее с оптимизмом, но без утопического прожектерства. На мой взгляд, на будущее социология могла бы рекомендовать следующие исследования.

1. Анализ в мониторинговом режиме и в разрезе регионов общественного мнения, особо выделяя блоки удовлетворенности жизнью, работой, заработком и др., оценки наиболее актуальных проблем, социальную сферу, демографию, настроения и самочувствие людей, уровень доверия к институтам и органам власти, администрации предприятий и др.

2. Изучение всех форм девиации, особенно субкультурных образований в молодежной среде, а также в области виктимологии, т. е. жертв мошенничества, посягательств на собственность, насилия и пр.

3. Оценка распространенности в стране престижных форм потребления, его положительных и отрицательных аспектов.

4. Выявление современного влияния мировоззренческих (экзистенциальных, нормативных, имагинативных (воображаемых), идей на поведенческие установки разных

социальных групп и половозрастных категорий белорусского общества. Определение содержания и смысловой наполненности «белорусской идеи» как фундаментальной опоры идеологии.

5. Анализ неформального (внедипломного) уровня компетенций для подбора кадров и их карьерного роста, т. е. знаний и навыков, приобретаемых на различных курсах, в школах, кружках или самообучением. В развитых странах этой стороне подготовки уделяется большое внимание, мы же в этом отстаем.

6. Социологическое изучение природы инновационной активности, факторов ее распространенности и разных социальных групп, а также их готовности к личному участию в инновационном поиске или во внедрении новшеств на своем рабочем месте и в других сферах. С психологической точки зрения в инновационной активности можно выделить, с одной стороны, неофилию – любовь к новому, с другой – неофобию – боязнь риска, страх нового. В практическом плане важно, чтобы первая сторона усиливалась и вела к *mania inventoria* – мании изобретения, а вторая – тормозилась.

Замечу также, что во всех конкретных социологических направлениях есть темы, общественная потребность в исследовании которых велика, но они откладываются из-за нехватки сил. Например, в социологии медицины – это призвание, отношение в системе «врач – пациент», психологическое здоровье, самоактуализация, здоровый образ жизни. В социологии семьи – мода на «гражданский брак», многодетность, разводы и т. д. В фильме «Белые росы», идя на развод, герои (Караченцов и Польских) обсуждают, какую причину назвать в суде. На самом деле, причина разводов чаще всего в рассогласовании взаимных ожиданий. И возникает она потому, что об этом мало думают перед свадьбой. С этой точки зрения вполне уместен «брачный контракт».

Есть свои актуальные темы в социологии политики, социологии образования, экономической социологии, социологии культуры, социологии спорта и туризма и т. д. Можно пожелать только одного – повышения их востребованности во благо человека и общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 См.: Ницше Ф. Воля к власти. СПб., 2006. С. 240.
- 2 Кант О. Дух позитивной философии // Западно-Европейская социология XIX века; под ред. В. И. Добренькова. М., 1996. С. 16.
- 3 Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 154–155.
- 4 Смелзер Н. Социология. М., 1995. С. 12–13.
- 5 Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 598.
- 6 Гегель Г. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Работы разных лет в 2-х т. М., 1970. Т. 1. С. 391.
- 7 Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 321.
- 8 Маркс К. Капитал. М., 1956. Т. 1. С. 23.
- 9 См.: Шавель С. А., Данилов А. Н., Рубанов А. В., Смирнова Р. А. Человек и рынок. Минск, 1992. С. 140.
- 10 Сорокин П. А. К обоснованию социологической секции исторического общества при Санкт-Петербургском университете // Запросы жизни. 1912. № 48. С. 2768.
- 11 Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994. С. 418.
- 12 Скиннер Б. Ф. Технология поведения // Американская социолог. мысль. М., 1996. С. 33.
- 13 См.: Новик Е. К. О Болонском процессе и действительных проблемах образования // Социология. 2013. № 3. С. 83–97; Кантор М. К. Перспективы авангарда // Социология. 2013. № 3. С. 98–108.
- 14 См.: Форд Г. Моя жизнь и мои достижения. М., 1924.
- 15 Замфир К. Удовлетворенность трудом. Мнение социолога. М., 1983. С. 29.
- 16 См.: Психология личности. М., 1982. С. 120.
- 17 Китов А. И. Экономическая психология. М., 1987. С. 162.
- 18 Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 3.
- 19 Потребление и стабильность общества / С. А. Шавель [и др.]. Минск, 2010.
- 20 См.: Самарская Е. А. Послесловие // Ж. Бодрийяр. Общество потребления. М., 2006. С. 262.
- 21 Щепаньски Ян. О человеке и обществе. М., 1990. С. 18–19.
- 22 Фромм Э. Человек для себя. М., 2002. С. 73.
- 23 Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 264.
- 24 Рапай К. Культурных код. Как мы живем, что покупаем и почему. М., 2008. С. 12.
- 25 См.: Сивуха С. В. Социальная сеть общественных организаций как форма социального капитала // Социология. 2003. № 4. С. 54.